

УДК 7.03; 7.033

DOI: 10.37953/2079-0341-2025-2-1-246-257

ЕВРОПЕЙЦЫ ОБ ИСКУССТВЕ В РОССИИ: ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVI ВЕКА

Валентин Д. Черный

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
tchernie@rambler.ru*

Аннотация

Рассматриваются различные проявления восприятия иностранцами искусства в России в период правления Василия III, отразившиеся в записках путешественников и сочинениях, созданных в Европе на основе имеющихся устных и письменных источников. Европейцы оставили описания особенностей планировки и застройки некоторых городов, отдельных комплексов и зданий, крепостей, костюмов и их аксессуаров, обстановки интерьеров различного рода сооружений, подарков, в том числе посольских даров, творений ремесленников и художников. Принадлежавшие другой культуре, зарубежные авторы были склонны в первую очередь обращать внимание на работы приезжих мастеров, более понятные им. Находясь в русской столице и принимая участие в дворцовых приемах, они имели возможность рассмотреть и по-своему оценить постройки, художественные изделия, составлявшие среду пребывания великого князя.

Ключевые слова: иностранцы, искусство, восприятие, архитектура, живопись, костюм, музыка

Для цитирования: Черный В.Д. Европейцы об искусстве в России: первая треть XVI века // Academia. 2025. №2. С. 246–257. DOI: 10.37953/2079-0341-2025-2-1-246-257

EUROPEANS ABOUT ART IN RUSSIA: THE FIRST THIRD OF THE 16TH CENTURY

Valentin D. Cherny

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
tchernie@rambler.ru*

Abstract

Various manifestations of foreigners' perception of art in Russia during the reign of Basil III are considered, reflected in the notes of travelers and works created in Europe on the basis of available oral and written sources. The memoirists left descriptions of the layout and development of some cities, individual complexes and buildings, fortresses, costumes and their accessories, interior furnishings of various kinds of structures, gifts, including embassy gifts, creations of artisans and artists. Belonging to a different culture, foreign authors were inclined to pay attention first of all to the works of visiting masters, more understandable to them. While in the Russian capital and taking part in palace receptions, they had the opportunity to examine and evaluate in their own way the buildings and artistic products that made up the environment of the Grand Duke's stay.

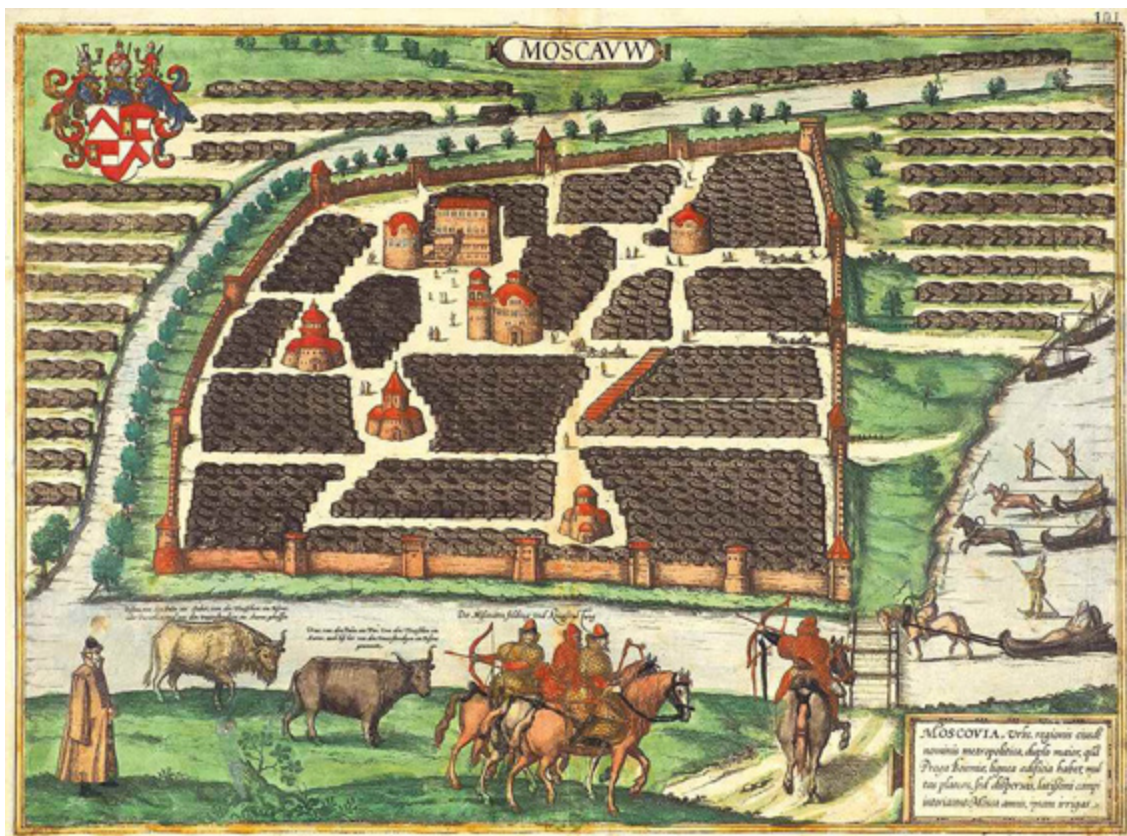
Keywords: foreigners, art, perception, architecture, painting, costume, music

For citation: Cherny, V.D. (2025), "Europeans about art in Russia: the first third of the 16th century", *Academia*, 2025, no 2, pp. 246–257. DOI: 10.37953/2079-0341-2025-2-1-246-257

Восстановление государственности в России в конце XV столетия явилось полной неожиданностью для европейских стран. Появление крупной державы на восточных границах Европы вызвало живой интерес различных государств, как с точки зрения своей безопасности, так и налаживания дипломатических и выгодных торговых отношений. Неслучайно начиная с рубежа XV–XVI вв. Россия налаживает тесные контакты со своими западными соседями — в Москву приглашаются зарубежные мастера различных специальностей, сюда направляются различные дипломатические миссии и представители торговых компаний. Свой интерес к Московии проявляли миссионеры, обычные путешественники и кабинетные исследователи [Хорошкевич 1980, с. 6–20]. Далеко не все из них оставляли письменные свидетельства своих поездок. Многие, по возвращении домой, делились своими наблюдениями и открытиями от «восточного путешествия» с людьми своего круга. Со временем эта информация, нередко с некоторыми искажениями, становится достоянием зарубежной общественности. Некоторые из такого рода свидетельств попадают и на страницы изданий. Именно по опубликованным запискам путешествий приходится составлять представление о восприятии Московии, ее политических, экономических, культурных связях [Кудрявцев 1997, с. 6–34] и отношении путешественников к произведениям искусства. Конечно, в широком спектре интересов авторов путевых заметок и фундаментальных сочинений искусство не было приоритетной темой. Тем не менее она затрагивается при описании особенностей планировки и застройки городов, описании отдельных комплексов и зданий, крепостей, костюмов и их аксессуаров, обстановки интерьеров различного рода сооружений, подарков, в том числе посольских даров, творений ремесленников и художников.

В первую очередь иностранцы обращали внимание на непривычный для них облик русских городов. Их удивляли выстроенные в основном из дерева здания, неорганизованная, на их взгляд, планировка, разреженность застройки с дворами усадебного типа [Черный 2020, с. 43–52]. Об этом писал едва ли не каждый приезжавший в Россию путешественник. Для людей, живших в плотно застроенных каменных городах, где ценился каждый метр территории, защищенной крепостными стенами, такое отношение к городским просторам было вполне оправданным. В этой необычной для них среде европейцы, с одной стороны, выражали скептическое отношение к дереву, как экзотическому строительному материалу, с другой искали взглядом привычные архитектурные формы каменных построек. Одновременно, иностранцы не оставляли без внимания и прочие ремесла.

В этом отношении любопытно свидетельство итальянского дипломата Амброджо Контарини, побывавшего в Москве еще в 1476 году и заставшего за возведением Успенского собора Аристотеля Фьораванти из Болоньи. Он отметил присутствие здесь многих греков, приехавших сюда вместе с деспиной Софьей Палеолог. Особенно ему приглянулся ювелир из города Котор (Далмация), «который изготовил — и продолжал изготавливать — много сосудов и других изделий для великого князя» [Контарини 1971, с. 227]. Контарини бегло оценил Москву и ее постройки. Русская столица при поверхностном осмотре показалась ему стоящей на невысоком холме, полностью деревянной, «как замок, так и остальной город». Итальянец и прочие иностранцы, оставившие свои заметки о русских городах в XVI в., также с завидной последовательностью фиксировали две составляющие любого городского поселения — крепость (или замок) и собственно город. Таким образом, иностранные авторы допускали, что всю городскую территорию могла не охватывать крепостная стена. Для русских же крепость была обязательным атрибутом города. Как с иронией писал по этому поводу австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн: «все, что [окружено стеной], укреплено [тыном] или [другим способом огорожено], они называют *gogod*» [Герберштейн 2008 (1), с. 337]. Но это не совсем так. На самом же деле в средневековой Руси к «городам» причисляли административные центры разного уровня, пограничные крепости

Ил. 1. План Москвы Сигизмунда Герберштейна. Гравюра. 1556.

и владельческие замки [Куза 1989, с. 131–140]. Из-за разных критериев оценки статуса города европейцы в своих описаниях нередко включали в городское пространство пригородные земли — посадки и даже слободы. По этой причине Москва казалась иностранцам невероятно большим городом. В первую очередь они выделяют размеры Москвы, Новгорода и Пскова [Кампенский 1997, с. 101–102]. Никогда не бывавший в России немецкий богослов Иоганн Фабри, исходя из собственных источников, добавляет к этому перечню Владимир, Смоленск и Тверь. Они будто бы не меньшей величины, чем Москва [Фабри 1997, с. 176]. Для пущей наглядности, Москву сравнивают с другими крупными городами и считают ее обширнее Кёльна [Фабри 1997, с. 176], Праги [Независимый летописный свод 1999, с. 334]. Выходец из Нидерландов, осевший в Италии, писатель Альберт Кампенский, не умаляя величия Москвы, признал Тверь городом, «превосходящим Москву размерами и великолепием», а Новгород, — превосходящим Рим [Кампенский 1997, с. 101–103], что можно признать преувеличением. Бросавшаяся в глаза иностранцам неорганизованность застройки русских городов, в частности Москвы, имеет объяснение. Планировка территорий детинца, посада и слобод, часто причисляемых к городской застройке, имели очевидные различия и особенности. Каждая часть города, включая пригороды, выполняла свои функции.

План Кремля складывался под влиянием природного ландшафта и учитывал его традиционную застройку. Посад формировала усадебная застройка, расположение торгового и культовых центров. Слободам была свойственна замкнутая структура и множественность центров — культового, административного, торгового, а поэтому не имела четкого планировочного решения [Древнерусское градостроительство 1993, с. 242–310]. В определенной мере все компоненты города в его расширительном понимании ориентировались на Кремль, выходящие из него улицы, по мере их продолжения, превращающиеся в магистральные пути. Единая градостроительная структура Москвы, включавшая пригороды, только начинала складываться на исходе XV века. Первый план русской столицы, опубликованный в издании Записок Герберштейна 1556 г. (ил. 1), признается

современными исследователями «далеким от подлинного». При верной передаче общей схемы расположения Кремля у впадения Неглинки в Москву-реку, в нем содержится множество фантастических деталей, касающихся конфигурации крепости, форм и расположения конкретных сооружений. Особенно смущает плотность городской застройки, характерная для европейских столиц [Герберштейн 2008 (2), с. 218–219]. Впрочем, на эту неточность указал польский купец немецкого происхождения Груневег, видевший Москву в 80-е годы XVI столетия: «Вышеназванный автор рисует московитские дома тесно расположенными друг к другу, на самом же деле, как уже говорилось, они стоят далеко друг от друга» [Груневег 2013, с. 239]. Конечно, более привычными глазу европейцев были сооружения, особенно построенные итальянцами в Московском Кремле. Те, кто писал об этой, единственной в первой трети XVI века городской крепости, считали нужным подчеркнуть прочность и величие. Так, Йовий видел в Кремле прежде всего «хорошо защищенную крепость» [Йовий 1997, с. 271]. В свою очередь, Герберштейн заметил, что крепость выстроена из кирпича и настолько велика, что «прямо-таки напоминает город» [Герберштейн 2008 (1), с. 297]. Более подробные сведения о московских укреплениях привел австрийский дипломат итальянского происхождения Франческо да Колло. Дипломат, побывавший в русской столице в 1518 году. Дипломат не только сообщил, откуда прибыли в Москву зодчие, выстроившие Кремль, но и назвал прототип крепости: «итальянцами, присланными в угодку сему Князю сиятельнейшим Лодовико, герцогом Миланским, или построен по образцу Каstellо — Рокка в городе Милане» [Франческо да Колло 1996, с. 59]. Себастьян Мюнстер довольно точно указал число башен Московского Кремля («крепость с семнадцати башнями и трех бастионах»). Если предположить, что под «бастионами» (т. е. выступающими из линии крепостных стен постройками), он подразумевал отводные стрельницы, то это соответствует реальности. Кроме того, Мюнстер отметил мощь и привлекательность укреплений: «настолько красивых и мощных, что подобные едва ли можно найти» [Мюнстер 1997, с. 334–335]. О других каменных крепостях России в начале XVI века сообщает один Герберштейн и то вскользь. В их числе Ивангород, возведенный при Иване III, Псков с его «четырехрядной стеной» и построенные при Василии III укрепления в Нижнем Новгороде и Туле [Герберштейн 2008 (1), с. 301, 307, 589]. Особенно высоко Фабри поставил псковские укрепления. Согласно его сообщению, «по сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами» [Фабри 1997, с. 176].

В общих чертах некоторые иноземцы описывают постройки на территории Московского Кремля. Довольно приблизительно о застройке его территории пишет Герберштейн, перечисливший находившиеся здесь «великолепно выстроенные из камня» государевы хоромы, дворы «братьев государевых», «просторные деревянные» палаты митрополита, других «очень многих лиц», многочисленных церквей. Правда, как у него отложились в памяти, только две «замечательные» церкви были из кирпича — «одна из них посвящена Пресвятой девице, другая — святому Михаилу». Возможно, засомневавшись в этой, далекой от истины информации, дипломат добавил: «в нашу там бытность также строилось много каменных храмов» [Герберштейн 2008 (1), с. 295–297]. Также приблизительно, но ближе к истине, сведения о церквях, расположенных на территории Кремля, в сочинении Себастьяна Мюнстера. Он сообщает уже о шестнадцати храмах и трех «очень больших дворцовых зданиях». При этом автор склонен различать «дворцовые постройки» и «дворец, местопребывания князя». Дворец князя, уточнил Мюнстер, «очень красив, но не велик» и построен «на итальянский манер» [Мюнстер 1997, с. 334–335]. Некоторые детали об убранстве одного из зданий дворца привел увлеченный античностью посол Михалон Литвин. Ему показалось, что декор здания подражает греческой скульптуре — фигурам, созданным «по образцу Фидия» [Литвин 1994, с. 81]. Даже принимая во внимание иносказательность данной фразы, она не лишена смысла. Дворцовые здания были обильно и разнообразно украшены белокаменным декором, о чем мы

можем судить по наружному убору Грановитой палаты и дошедшим до нашего времени фрагментам построек конца XV столетия [Яхонт 2007, с. 40–54].

Довольно индифферентным было отношение иностранцев в первой трети XVI века к массовой застройке русских городов, а также отдельным ее сооружениям. Сказывалась принципиальная разница представлений об устройстве города на «Западе» и в Восточной Европе. По этому вопросу дошли лишь отдельные высказывания. Например, Павел Йовий сообщил, что в русской столице активно застраиваются набережные. Здания вдоль реки тянутся «длинной полосой...на пространстве пяти миль». Сами деревянные дома, «строятся с отменной крепостью, с малыми издержками и с великой быстротой». Они, как утверждает Йовий, «по вместимости... просторны, но не огромны... и не чересчур низки».

Автор, похоже со слов русского посла Дмитрия Герасимова, сообщает и о планировке жилищ, которые делятся на три части — столовую, кухню и спальню [Йовий 1997, с. 271]. Трехкамерные постройки, когда две теплые клетки соединялись холодными сенями, по мнению М.Г. Рабиновича, получили распространение в Московии с XVI века [Рабинович 1975, с. 166].

Франческо да Колло утверждает о существовании в Москве еще при Василии III деревянных стен, вероятно окольного города, «из дерева, столь хорошо спаянные между собою, что их поистине можно назвать укреплениями». Он же первым из иностранцев сообщил и о «разгородках» внутри отдельных участков городской застройки, обозначающих границы неких кварталов, препятствующих в определенных случаях свободно передвигаться по улицам [Франческо да Колло 1996, с. 59].

К редким упоминаниям об иконах как художественном явлении относится трактат «Религия московитов» Иоганна Фабри, крупного католического деятеля эпохи Реформации в Германии. В бытность епископом в германском городе Констанце он видел русские иконы, которые произвели на него большое впечатление. Фабри повествует, как однажды он вошел в покои братьев блаженного Франциска, где находилась опочивальня русского посла Засекина Ярославского, и «обнаружил там в отменном порядке в головах спящего расположенные: «дивной красоты образ Пресвятой Девы, написанный по подобию того, который, как говорили [послы], был создан некогда Св. Лукой и находится в Москве». Речь, вероятно, шла о списке византийской иконы «Богоматерь Владимирская». Иоганн Фабри с благоговением перечислил и сюжеты других образов, которые брал с собой в поездку посол. Он назвал «Воплощение Господне», судя по описанию, «Сретение», еще три названных сюжета должны представлять «Распятие», «Сошествие во ад» и «Вознесение», поданные в тексте как одно произведение. Остается не вполне понятной «картина, на которой замечательно изображены были скорби и радости Пресвятой Девы Марии». Еще одна икона представляла изображения апостолов. Судя по всему, это был «Собор апостолов». Богослов упрекает местных реформаторов в недостаточном следовании древним традициям, приводя в пример местным католикам отношение русских к иконам. По словам Фабри, московиты расходуют большие средства на обустройство храмов, «именуя их по-евангельски домами молитвы и украшая различными Образами Распятого, Пресвятой Девы, апостолов и некоторых других» [Фабри 1997, с. 195–196]. Оценивая состав икон в опочивальне посла, В.В. Лепяхин отмечает явное преобладание в данном наборе праздничных образов, «приближающихся или самых главных праздников» [Лепяхин 2005, с. 289]. Таких икон было пять из шести названных. Вероятно, это были иконы-таблетки, написанные с двух сторон на холсте, легкие и компактные. Упакованные в специальные ковчеги, они были очень удобны для использования в длительных путешествиях. Значительный интерес иностранцы проявляли и к внешности русских правителей, которую можно было передать посредством натуральных зарисовок. Павел Йовий упоминает и о некоем изображении царя Василия III, привезенном в Италию послом Дмитрием Герасимовым, и даже ссылается на иллюстрацию в своей книге — мол, его можно увидеть «написанного в таком виде» [Йовий 1997, с. 354].

Ил. 2. Иван III. Гравюра из «Космография» А. Теве. 1575.

К началу XVI века использование небольших по формату портретных изображений (или миниатюрных) [Кызласова 1993, с. 80] в межгосударственном общении уже не было чем-то исключительным. Еще на исходе 1469 года в Италию был отправлен посол Иван Фрязин (Джан Баттиста Вольпе) для переговоров о женитьбе Ивана III на Софье Палеолог. Посланник получил наказ привезти ее изображение («а царевну на иконе написану принесе») [Независимый летописный свод 1999, с. 418, 430]. В этот же период могло появиться изначально карандашное изображение Ивана III (ил. 2). Его появление, как считал Д.А. Ровинский, было обусловлено желанием Софьи также получить представление о внешности русского правителя [Ровинский 1882, с. 3]. «Портрет» Василия III, переведенный в гравюру, чего требовали тогдашние условия книжной печати, широко известен по публикации 1575 года второго тома «Космографии» Андре Теве (ил. 3). В отличие от «прямоличного» погрудного изображения из собрания Павла Йовия, еще одна гравюра, выполненная Августином Хиршфогелем, использованная в издании записок о Московии Сигизмунда Герберштейна 1547 года, представляет того же Василия III в полный рост, в профиль, сидящим на троне (ил. 4). Все перечисленные образцы изображений признаны Д.А. Ровинским «достоверными», т. е. восходящими к натурным рисункам. Уже от них пошли многочисленные вариации, которые широко распространились в Европе [Ровинский 1882, с. 3].

Нет сомнений, что первые изображения князя выполнялись иностранными художниками, имевшими соответствующие навыки. В пользу этого говорят и ракурсы, под которыми показана модель. Согласно устойчивым представлениям русских иконописцев, «фасовое изображение приличествует только одному Богу» [Флоренский 1993, с. 143–144]. В профиль же в древнерусской живописи было «иконографической нормой» изображения отрицательных персонажей [Бобров

Ил. 3. Василий III. Гравюра из сочинения Павла Йовия. 1575.

1995, с. 144]. Разумеется, русские иконописцы не посмели бы использовать в своем воспроизведении образа государя ни один из таких ракурсов. В то же время, в окружении великого князя уже допускалось натурное изображение человека, хотя и ограниченного круга лиц. К середине XVI столетия практика изображения живого царя и «народов» настолько вошла в обиход иконописцев, что Стоглавый собор 1551 года был вынужден признать за художниками такое право [Стоглав 1985, с. 304]. Попадая в Россию, иностранцы описывали в общих чертах местный уклад жизни, который существенно отличался от европейского, тот предметный мир, который ему сопутствовал. В поле зрения приезжих попадали местные самобытные изделия, костюмы, посуда и прочие предметы. Например, Михалон Литвин отметил, что русские города «славятся разными искусными мастерами». Из создаваемых ими изделий, он назвал деревянные ковши и посохи, выделку кожи, мечи, фалеры (декоративные пластины для упряжи) и разное вооружение [Михалон 1994, с. 78]. Нельзя не учитывать стремление русских властей всячески ограничивать контакты иностранцев с местным населением. По этой причине им в большей мере была доступна для наблюдения та среда, в которую они допускались. Поскольку авторами текстов о России в начале XVI века были официальные представители государств и кабинетные исследователи, чаще всего писавшие с их слов, они обычно сталкивались с княжеским окружением, обстановкой официальных приемов и костюмами знати. Это обеспечивало иностранцам возможность воспользоваться некоторыми русскими источниками информации, возможно в устном изложении.

Об обретении несметных сокровищ в Новгороде Иваном III, отцом нынешнего князя, сообщили независимо друг от друга два автора — Сигизмунд Герберштейн и Альберт Кампенский. По данным Герберштейна, московский князь «захватил золото и серебро, отнял даже все имущество граждан, так что вывез оттуда свыше трехсот полностью нагруженных телег» [Герберштейн 2008 (1), с. 75]. Кампенский уточняет, что «из Новгорода в Москву было отправлено триста семь повозок» [Кампенский 1997, с. 101–102]. Естественно, под «золотом

Ил. 4. Василий III. Гравюра из «Записок» Сигизмунда Герберштейна. 1547.

и серебром» надо понимать разного рода изделия, прежде всего сосуды различного назначения. Все это стало достоянием и Василия III, и его братьев. В состав трофеев входило преимущественно столовое серебро русского и зарубежного происхождения, по большей части осевшее в великокняжеской казне [Кампенский 1997, с. 50–51]. Свой вклад в семейные ценности княжеского двора внесла Елена Глинская, вторая жена Василия III. Из записок Иоанна Коморовского, монаха ордена братьев миноритов, узнаем, что до переезда в Москву, Елена поместила свои ценности на временное хранение в эту католическую общину. Беглое описание «сокровищ», принадлежавших Глинской впечатляет. В братстве, согласно сообщению Коморовского, она оставила «14 больших сундуков с золотом и серебром в виде больших и малых блюд, драгоценностей и камней, золотых чаш и подбитых (подкладкой и мехом) одежд, шитых золотом, а также опашней или мантий, числом до 350» [Коморовский 1905, с. 273]. Все приобретения такого рода становились достоянием князя. Лучшие сосуды, золотые и серебряные, свои и «трофейные», разного объема и назначения выставлялись во время пиров в зале торжественных приемов. Их размещали на полках (ступенях) поставца у опорного столпа Грановитой палаты. Об этом, в частности, упоминают Йовий [Йовий 1997, с. 288] и Герберштейн [Герберштейн 2008 (1), с. 288]. Иностранцы были склонны обращать повышенное внимание на поступление изделий и материалов, включая произведения искусства, в Россию из других стран, прежде всего европейских. Так, согласно Герберштейну, «большую часть товаров составляют серебряные слитки, сукна, шелк, шелковые и золотые ткани, жемчуг, драгоценные камни и золотые нитки» [Герберштейн 2008 (1), с. 176]. Готовые изделия поступали чаще всего в виде посольских даров, которые привозили в Россию или дарили русским послам за границей. По возвращении послов в Москву полученные ими подарки, в том числе личные, подвергались досмотру самим великим князем и забирались в казну. В этом отношении показателен пример с вернувшимися от императора Карла Пятого послами Иваном Посеченя и секретарем Семеном. Привезенные ими «тяжелые золотые ожерелья, цепи», а также «серебряные

кубки, золотые и серебряные ткани», золотая испанская и немецкая монета были тотчас отобраны у них. Оставили лишь малую часть «испанских золотых» [Герберштейн 2008 (1), с. 176]. Категорично об этой процедуре конфискации привезенных послами ценностей высказался посол Дмитрий Герасимов, о чем написал: «[Василий] ... управляет страной он самым алчным образом, не считая нужным проявлять по отношению к кому-нибудь щедрость, и настолько скарден, что даже лишает всех даров» [Йовий 1997, с. 254]. Свой вклад в развитие русских ремесел, по мнению иностранных авторов, вносили приезжие мастера. Герберштейн к таковым относит немецких и итальянских «пушечных литейщиков» [Герберштейн 2008 (1), с. 245]. Также о многих орудиях, «вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса», написал Йовий [Йовий 1997, с. 288]. Во время приемов и торжественных обедов дипломаты и прочие должностные лица обращали внимание на изготовленные с определенным изяществом костюмы великого князя и его окружения. Информацию на этот счет можно найти в сочинении Герберштейна. Он описал самые заметные аксессуары самодержца, шапку Мономаха и бармы. «Scharka», по его словам, была украшена драгоценными камнями и «золотыми бляшками, которые колышутся, извиваясь змейками». Бармы, по его версии, имели гуннское происхождение и представляли собой «широкое ошейное украшение из грубого шелка; сверху оно нарядно отделано золотом и всякого рода драгоценными камнями» [Герберштейн 2008 (1), с. 123]. Автор описал в общих чертах и облачение служивших на княжеских трапезах стольников. Они недавно сменили свой костюм: раньше стольники «одевались [в далматики] наподобие диаконов, прислуживающих при богослужениях, но только были подпоясаны; ныне же на них различные платья с драгоценными камнями и жемчугом, называемые *terlick*» [Герберштейн 2008 (1), с. 563]. К характерной одежде знати Герберштейн отнес «кафтаны... длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад». «Рубашки почти у всех разукрашены у шеи разными цветами; застегивают их [либо ожерельем, либо серебряными или медными] позолоченными пуговицами, к которым для украшения добавляют и жемчуг», а «сапоги они носят красные и очень короткие, так что они не доходят до колен...». Автор замечает, что пояс русские подвязывают не по талии, «а по бедрам и даже опускают пояс до паха, чтобы живот выдавался больше. Теперь этот обычай переняли итальянцы, испанцы и даже немцы» [Герберштейн 2008 (1), с. 251]. Принимая во внимание некоторые особенности использования знатными русскими украшений, аксессуаров и способов ношения отдельных элементов костюма, можно говорить о поиске особого стиля костюма, хотя и в границах своей социальной группы. Не оставил австриец без внимания и доспехи состоятельного воина — «панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма у немногих есть шлем, заостренный кверху [наподобие пирамиды]» [Герберштейн 2008 (1), с. 243]. Из-за отсутствия столь привычной на пирах в Европе инструментальной музыки, но запрещенной в России, Герберштейн пишет о музыкальном сопровождении русского воинства. Такая музыка использовалась в торжественных случаях, в том числе при встречах и проводах послов. Впечатление автора о музыкальных предпочтениях русских было отражено в его записках. «У них множество трубачей; если они по отеческому обычаю принимаются все вместе дуть в свои трубы и загудят, то звучит это несколько странно и непривычно (для нас)». Другой инструмент, бывший в ходу русских музыкантов — зурна: «когда они прибегают к ней, то играют приблизительно с час без всякой передышки или втягивания воздуха... издают трубой непрерывный звук» [Герберштейн 2008 (1), с. 249–251]. Такие слуховые впечатления дополняли представление иностранцев об искусстве в России при Василии III. Таким образом, иностранцы, писавшие о России на рубеже XV–XVI вв. еще очень мало знали о реалиях Московии. Их возможности были серьезно ограничены условиями их пребывания в русских городах. Им был закрыт доступ в православные храмы, крепости, частные дома без соответствующих разрешений. Поэтому многое они узнавали с чужих

слов и нередко в искаженном свете. В то же время, представители посольств принимали участие в официальных приемах и имели возможность воочию формировать собственное впечатление от увиденных реалий. Больше всего путешественников из европейских стран интересовали вопросы, связанные с политикой и налаживанием торговых отношений с Россией [Хорошкевич 1980, с. 255]. Сталкиваясь с произведениями искусства, иностранцы гораздо больший интерес проявляли к уже знакомым и понятным им формам художественного творчества, работам приезжих мастеров, чем к изделиям, созданным русскими зодчими, художниками и ремесленниками. Тем не менее, записки иностранцев содержат ценные сведения об искусстве первой трети XVI столетия, которые не нашли отражения в других источниках, дополняющих наши знания и представления о произведениях эпохи Василия III.

Литература

1. Бобров 1995 – Бобров Ю.Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.: Мифрил, 1995.
2. Герберштейн 2008 – Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: В 2-х т. / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
3. Груневег 2013 – Груневег (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек: Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники ист. мысли, 2013.
4. Древнерусское градостроительство 1993 – Древнерусское градостроительство X–XV веков / под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993.
5. Йовий 1997 – Йовий Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 217–306.
6. Кампенский 1997 – Кампенский Альберт. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 63–134.
7. Коморовский 1905 – Коморовский Иоанн. Записки ордена братьев миноритов, братом Иоанном Коморовским составленные [Извлеч. и пересказ] // Новый сборник статей по славяноведению / сост. и изд. учениками В.И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. 258–281.
8. Контарини 1971 – Контарини Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини в России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 188–247.
9. Куза 1989 – Куза А.В. Малые города Древней Руси / Отв. ред. А.А. Медынцева. М.: Наука, 1989. С. 131–140.
10. Кызласова 1993 – Кызласова И.Л. Предварительные наблюдения над портретом великого князя Василия III второй половины XVI века // Искусство христианского мира: сб. ст. М.: Изд. Православного Св.-Тихоновского богословского института, 1993. С. 75–97.
11. Лепяхин 2005 – Лепяхин В. Икона и иконопочитание глазами русских и иностранцев. М.: Паломник, 2005.
12. Михалон 1994 – Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994.
13. Мюнстер 1997 – Мюнстер Себастьян. Всеобщая космография // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 317–345.
14. Независимый летописный свод 1999 – Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 400–443.
15. Петров 2017 – Петров Д.А. Серебряные изделия, принадлежавшие новгородским архиепископам и боярам в казне великого князя московского // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: Дмитрий Буланин, 2017. Вып. 17 (27). С. 50–81.
16. Рабинович 1975 – Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 245–275.
17. Ровинский 1882 – Ровинский Д.А. Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб., 1882.
18. Кудрявцев 1997 – Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997.

19. Стоглав 1985—Стоглав // Российское законодательство X–XX веков: В 9-ти т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. А. Д. Горского. М.: Юридическая литература, 1985. С. 241–500.
20. Фабри 1997—Фабри Иоганн. Религия москвитов // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / сост. О. Ф. Кудрявцев. М.: Русский мир, 1997. С. 135–216.
21. Флоренский 1993—Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.
22. Франческо да Колло 1996—Франческо да Колло. Доношение о Московии: итальянец в России XVI века. М.: Наследие, 1996.
23. Хорошкевич 1980—Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М.: Наука, 1980.
24. Черный 2020—Черный В. Д. Иностранцы в Московии конца XV–XVI вв.: восприятие застройки и архитектуры русских городов // Артикульт. Научный электронный журнал. 2020. №40 (4-2020). С. 43–52.
25. Яхонт 2007—Яхонт О. В. Московские камнесечцы и фряжские мастера в Московии XV века // Белый камень в архитектурных памятниках Московского Кремля XIV–XVII вв. М.: Ин-т наследия, 2007. С. 40–54.

References

1. Bobrov, Yu. G. (1995), *Osnovy ikonografii drevnerusskoy zhivopisi*. [Fundamentals of iconography of ancient Russian painting], Mithril Publ., St Petersburg, Russia.
2. Gerbershtein, S. (2008), *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]: 2 vols., Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia.
3. Gruneveg (2013), (otets Venceslav): dukhovnik Mariny Mnishek: *Zapiski o torgovoy poezdke v Moskvu v 1584–1585 gg.* [Notes on a trade trip to Moscow in 1584–1585], Compiled by A. L. Khoroshkevich, Pamyatniki ist. mysli, Moscow, Russia.
4. *Drevnerusskoe gradostroitelstvo X–XV vekov* (1993) [Ancient Russian urban planning of the 10th–15th centuries], N. F. Gulyanitsky (Ed.), Stroyizdat, Moscow, Russia.
5. Iovius, P. (1997), *Kniga o posolstve Vasiliya, velikogo knyazya Moskovskogo, k pape Klimentu VII* [A book about the embassy of Basil, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII], Compiled by O. F. Kudryavtsev, Russky mir, Moscow, Russia, pp. 217–306.
6. Kampensky, A. (1997), “O Moskovii” [About Muscovy], *Rossiya v pervoi polovine XVI v.: Vzglyad iz Evropy*, Compiled by O. F. Kudryavtsev, Russky mir, Moscow, Russia, pp. 63–134.
7. Komorovsky, I. (1905), “Zapiski ordena bratiev minoritov, bratom Ioannom Komorovskim sostavlennye” [Notes of the Order of the Friars Minor, compiled by Brother John Komorowski], *Novy sbornik statey po slavyanovedeniyu*, Compiled and published by disciples of V. I. Lamansky with the participation of their students on the occasion of the 50th anniversary of his scholarly and literary activity, St Petersburg, Russia, pp. 258–281.
8. Kontarini, A. (1971), “Puteshestvie v Persiyu” [Journey to Persia], *Barbaro i Kontarini v Rossii: K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.*, Introd., prepar., transl., comm. by E. Ch. Skrzhinskaya, Nauka, Leningrad, pp. 188–247.
9. Kuza, A. V. (1989), *Malye goroda Drevnei Rusi* [Small towns of Ancient Russia], A. A. Medyantsev (Ed.), Nauka, Moscow, Russia, pp. 131–140.
10. Kyzlasova, I. L. (1993), “Predvaritelnye nablyudeniya nad portretom velikogo knyazya Vasiliya III vtoroi poloviny XVI veka” [Preliminary observations on the portrait of Grand Duke Basil III of the second half of the 16th century], *Iskusstvo khristianskogo mira*: Coll. of art. Moscow: Izd. Pravoslavnogo Sv.-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta, Moscow, Russia, pp. 75–97.
11. Lepakhin, V. (2005), *Ikona i ikonopochitanie glazami russkikh i inostrantsev* [Icon and icon worship through the eyes of Russians and foreigners], Palomnik, Moscow, Russia.
12. Mikhalon, L. (1994), *O nraakh tatar, litovtsev i moskvityan* [About the customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites], A. L. Khoroshkevich (Ed.), Izd-vo MGU, Moscow, Russia.
13. Myunster, S. (1997), “Vseobshchaya kosmografiya” [Universal cosmography], *Rossiya v pervoi polovine XVI v.: Vzglyad iz Evropy*, Compiled by O. F. Kudryavtsev, Russky mir, Moscow, Russia, pp. 317–345.
14. “Nezavisimy letopisny svod 80-kh gg. XV v.” (1999) [An independent chronicle of the 80s of the 15th century], *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko (Eds.), Nauka, St Petersburg, V. 7: Second half of the 15th century, pp. 400–443.

15. Petrov, D. A. (2017), "Serebryanye izdeliya, prinadlezhavshie novgorodskim arkhiepiskopam i boyaram v kazne velikogo knyazya moskovskogo" [Silver items belonging to the Novgorod archbishops and boyars in the treasury of the Grand Duke of Moscow], *Novgorodsky istorichesky sbornik*, Issue 17 (27), Dmitry Bulanin, Veliky Novgorod, Russia, pp. 50–81.
16. Rabinovich, M. G. (1975), "Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv." [The Russian dwelling in the 13th–17th centuries], *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoi Evropy*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 245–275.
17. Rovinsky, D. A. (1882), *Dostovernnye portrety moskovskikh gosudarei Ivana III, Vasiliya Ivanovicha i Ivana IV Groznogo i posolstva ikh vremeni* [Authentic portraits of the Moscow sovereigns Ivan III, Vasily Ivanovich and Ivan IV the Terrible and the embassies of their time], St Petersburg, Russia.
18. *Rossiya v pervoi polovine XVI v.: Vzglyad iz Evropy* (1997) [Russia in the first half of the 16th century: A view from Europe], Compiled by O. F. Kudryavtsev, Russky mir, Moscow, Russia.
19. "Stoglav" (1985) [Stoglav, a collection of decisions of the Stoglav Council of 1551], *Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: 9 vols. V. 2: Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva*, A. D. Gorsky (Ed.), Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia, pp. 241–500.
20. Fabri, I. (1997), "Religiya moskovitov" [The Muscovite Religion], *Rossiya v pervoi polovine XVI v.: Vzglyad iz Evropy*, Compiled by O. F. Kudryavtsev, Russky mir, Moscow, Russia, pp. 135–216.
21. Florensky, P. A. (1993), *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitelnykh proizvedeniyakh* [Analysis of spatiality and time in artistic and visual works], Progress, Moscow, Russia.
22. Francesco da Kollo (1996), *Donoshenie o Moskovii: italyanets v Rossii XVI veka* [Report of Muscovy: An Italian in Russia of the 16th century], Nasledie, Moscow, Russian.
23. Khoroshkevich, A. L. (1980), *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV–nachala XVI v.* [The Russian State in the system of international relations at the end of the 15th–beginning of the 16th century], Nauka, Moscow, Russian.
24. Cherny, V. D. (2020), "Inostrantsy v Moskovii kontsa XV–XVI vv.: vospriyatie zastroyki i arkhitektury russkikh gorodov" [Foreigners in Muscovy at the end of the 15th–16th centuries: perception of the buildings and architecture of Russian cities], *Artikult: scientific online journal*, 2020, no 40 (4-2020), pp. 43–52.
25. Yakhont, O. V. (2007), "Moskovskie kamneshchitsy i fryazhskie мастера v Moskovii XV veka" [Moscow stonecutters and Fryazhsky craftsmen in Muscovy of the 15th century], *Bely kamen v arkhitekturnykh pamyatnikakh Moskovskogo Kremlya XIV–XVII vv.*, In-t naslediya, Moscow, Russia, pp. 40–54.

Информация об авторе

Валентин Д. Черный, доктор культурологии, профессор кафедры истории русского искусства, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tchernie@rambler.ru

Author Info

Valentin D. Cherny, Dr. of Sci. (Culturology), professor, Department of History of Russian Art, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, 125993 Moscow, Russia; tchernie@rambler.ru